

Лазарева Н.М., Гавришева Г.П.

ЛЮБОВЬ И “СТРАДАЮЩИЕ” ЖЕНЩИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ ФРАНСУА-РЕНЕ ДЕ ШАТОБРИАНА

Рубеж XVIII-XIX веков в литературе Франции характеризуется наличием так называемой сентиментальной школы. Поэты и писатели-сентименталисты стремятся подогнать свои женские типы под тип «страдающей» женщины, который был в моде в конце 18 столетия. Это чувствительные героини романов и поэм, «сильфиды», «феи», «ангелы». И в большинстве случаев героини произведений Ф.-Р. де Шатобриана таковыми и являются. Вот такой предстает перед нами героиня повести «Атала», написанная в 1801 году: «Молодая девушка появилась у входа в хижину. Она была высока, стройна и грациозна. В ее божественной красоте было что-то страдательное и задумчивое. Она не была еще несчастной, но чувствовалось, что эта женщина должна страдать [1, с. 30]. Атала обречена на «томления» и сердечные терзания еще до ее появления на свет: «Мои бедствия начались раньше, чем я увидела свет. Моя мать зачала меня в несчастии; я была в тягость ее чреву и она родила меня в страшных мучениях; все думали, что я не буду жить; моя мать дала обет Царице Ангелов, что я останусь девственницей во славу Ей, если она спасет меня от смерти...» [1, с. 145].

Но Шатобриан пошел гораздо дальше, значительно опередив не только писателей-сентименталистов, но и своих современников, а также и то поколение литераторов, которое следовало за ним. Его женские типы гораздо более реальны, чем неземные и «эфирные» создания, воспетые Ламартином, де Виньи и другими романтиками. В облик своих героинь он, как правило, вносит черты, подмеченные им в жизни, под сказанные ему воспоминаниями о виденном и пережитом. Чтобы глубже понять их, автор словно бы следует столь распространенному во Франции изречению «*Cherchez la femme*». Такой психологический подход, очевидно, объясняет черты достоверности и жизнестойкости его героинь. Последуем же приведенному выше изречению и сравним литературных героинь и женщин, которые встречались на жизненном пути романтика Шатобриана.

Как отмечает исследователь творчества Шатобриана граф Ф. Де ла-Барт в своей монографии «Шатобриан и поэтика мировой скорби во Франции» ранний период творчества писателя (конец XVIII века) характеризовался тем, что он следовал общим приемам сентиментальной школы, подчиняясь расхожим литературным традициям. Вот какой предстает перед нами Амели, героиня повести «Рене», которая является манифестом французского романтизма. «Природа придала Амели нечто божественное; в ней было что-то нежное и задумчивое; она была робка и влюбчива, как женщина, чиста и мелодична, как ангел» [2, с. 15].

Де Ла-Барт подчеркивает, «что индивидуальные особенности таланта Шатобриана разбивают все условности, и он становится на путь самостоятельного творчества» [3, с. 301]. Женские образы Шатобриана навеяны той концепцией любви, которую внушили ему его темперамент и воспитание. Как отмечают ученые-биографы Иван Леклерк, Клеман Берше и другие, чувственная натура Шатобриана была причиной того, что любовное вожделение пробудилось в нем рано. «Уже в колледже горячее воображение рисовало ему сладострастные картины, к которым примешивалась боязнь греха и душевная смутная тревога» [3, с. 326].

Еще в отрочестве он прочитал сочинения Горация, не предназначенные юношеству. Позднее в «Замогильных записках» Шатобриан писал: «Я жил, окруженный странным миром. Я лишился сна; ночью мне казалось, что белые и черные руки просовывались из-под занавесок моей постели.... Я заболел, одновременно и нравственно и физически; моя невинность боролась с бурями преждевременной страсти и суеверными страхами... [4, с. 92-93] За неимением реального объекта любви Шатобриан создал в своем воображении «милый призрак». Образ его «прелестницы» неотступно стоял перед ним. Она – его «сильфида», его «фея». Чтобы стать достойным ее любви, Шатобриан вообразает себя романтическим героем, но все сильнее начинает ощущать противоречие между тем фантастическим миром, который создало его воображение и действительностью. «Вот идет живое изваяние Праксителя, идет среди неподвижных статуй, бледных картин... Я бросаюсь к ногам властительницы долин Энны... Но, очнувшись от своих мечтаний, я вспоминал, что я бедный, жалкий бретонец, неизвестный, не стяжавший славы, некрасивый, без таланта, которого никогда не полюбит ни одна женщина» [4, с. 104]. Погоня за несбыточной «любовной грезой» не покидала Шатобриана и в зрелом возрасте. Для него любовь – сладостное безумие, «химера», «мечта», неосуществимая в реальном мире. «Чем искренней мы любим, тем мы более страдаем» [4, с. 234].

Среди тех женщин, которые сыграли роль в жизни Шатобриана, первое место, несомненно, принадлежит подруге его детских игр, поверенной его тайн, спутнице его прогулок по комбургским лесам сестре Люсиль. Шатобриан так изображает ее: «представьте себе девочку худую, высокую, с неуклюжими руками, застенчивую. Никто тогда не мог угадать в хилой Люсиль ни ее будущего таланта, ни красоты» [4, с. 140-141]. Несчастливая любовь испытанная ею в юности усугубила мрачное настроение и склонность к меланхолии, к которым она была предрасположена от природы.

Такой же страстной и экзальтированной натурой как Люсиль, была и Дельфина де Кюстин, с которой Шатобриан состоял в любовной связи с 1801 года. Ее любовь к Шатобриану была поклонением, культом. Из черт Люсиль и Дельфины де Кюстин сложилось самое поэтическое из творений Шатобриана – образ Велледы в романе эпопеи «Мученики», написанном в 1805 году. Велледа – такая же фея, вещая дева, ка-

ковой представлялась Шатобриану его сестра. Отрывок из романа нам дает следующее представление о ней: «Скрывшись среди скал, я в течение некоторого времени не видел ничего. Вдруг из середины озера донеслись какие-то звуки. Я стал прислушиваться и слышал человеческий голос; в то же время я увидел ладью на хребте волны.... Ею управляла женщина; женщина эта пела, борясь с грозой, и, казалось, издевалась над вихрем. Она была высокого роста, черная туника едва прикрывала ее тело. Голова была украшена дубовой ветвью.... Все в ней обнаруживало дочь галлов. И кроткая внешность составляла контраст с ее гордой походкой. Она пела мелодичным голосом страшные слова, и ее открытая грудь подымалась и опускалась, подобно морской пене... [5, с. 148] Прочитав еще один отрывок, который дает нам еще больше основания считать, что облик Велледы, по-видимому, скопирован Шатобрианом с Дельфины де Кюстин. Это тем более вероятно, что «Мученики» были задуманы и написаны в ту пору, когда разыгрывался их роман, то есть в 1804-1805 гг. Дельфина любила посещать старинную башню, ставила светильники на пол, вслушивалась в таинственные звуки ночи: «Вдруг в конце галереи я увидел бледный свет, белевший во мраке. Свет стал постепенно увеличиваться, и предо мной предстала Велледа. Мы сели на кучу оружия против лампы. «Знаешь ли ты, сказала молодая дикарка, что я фея? – Я спросил ее, что означает это слово. «Галльские феи повелевают бурями, укрощают их, умеют сделать человека невидимым и сами могут принять образ различных животных... [5, 156-157]

Мы видим, насколько нравственный облик Велледы иной, чем облик стонущих и вздыхающих героинь конца XVIII века. Велледа – натура гордая, своенравная, властная. Неукротимый дух ее борется с роковой страстью; она презирает себя за любовь к врагу своего племени, к слуге ненавистных ей римлян. Она, подобно расиновой Федре, «готова купить краткий миг блаженства ценой целой вечности страдания» [5, с. 160]. Несомненно, что когда Шатобриан создавал образ этой галльской жрицы друидов, он имел перед глазами образ Дидоны Вергилия и Федры Расина. Но постпозиция мере того, как у него слагался облик его героини, Шатобриан вносил в него реальные черты тех женщин, которые более всего соответствовали его собственному художественному замыслу. Так возникает своеобразный тип женщины, свойственный именно прозе Шатобриана.

Следующим после Люсиль воплощением своей «сильфиды» комбургских лесов Шатобриан нашел в лице госпожи Полины де Бомон. Это была одна из самых замечательных женщин конца XVIII столетия. Принадлежала к знатному и богатому роду Монморенов, она получила блестящее образование, с юности вращалась в кругу самых интеллигентных людей своего времени. Она зачитывалась письмами Вольтера, была дружна с Андре Шенье.

Революция, начало которой она приветствовала, подобно многим людям её круга, принесла с собой страшные бедствия для её семьи. Отец был растерзан толпой, мать и брат казнены, сестра умерла в тюремном госпитале. Сама Полина чудом спаслась от казни. Все эти события наложили глубокий отпечаток на её характер. «Прежняя живость сменилась задумчивостью, тихой грустью, и она напоминала те эфирные создания, бесшумно скользящие по воздуху, о которых говорят поэты» [3, с. 310].

Когда миновал террор, и в Париже стало формироваться новое общество, госпожа де Бомон стала душой кружка, которому принадлежали самые выдающиеся люди Франции, в том числе и Шатобриан, которому суждено было сыграть не последнюю роль в её жизни. Она была очарована Шатобрианом с первой встречи. В 1802 году писатель проводит 7 месяцев в её имении, где заканчивает свой трактат «Гений христианства». Это была самая счастливая пора их любви. «Я вечно буду помнить некоторые из тех замечательных и незабываемых вечеров, которые провёл в этом «приюте дружбы», – вспоминал в последствии Шатобриан в своих мемуарах [4, с. 258]. Но счастье госпожи де Бомон продолжалось не долго: бретонец постоянно изменял ей, делал попытки снова сойтись с женой, наконец, уехал в Рим в качестве секретаря при французском посольстве. В начале 1803 года здоровье Полины совершенно расстроилось. В дальнейшем Шатобриан воспользуется некоторыми отрывками из её дневника: «Обнаружились симптомы близкой кончины, а я ещё не готова к тому, чтобы умереть. Как все прочие я отдаюсь во власть надежды... Надежды! Моя кончина для меня – величайшее счастье.... Сегодня 21 флореаля (10 мая) – годовщина смерти моего отца и моей матери: *Je péris la dernière et la plus misérable!*» [4, с. 191]. Друзья уговорили её съездить в Италию. Полина де Бомон дала согласие не столько из-за желания поправиться, сколько из-за желания увидеться с Шатобрианом. Сперва ей стало лучше, но в ночь с 4 на 5 ноября 1803 года она скончалась... на руках своего возлюбленного.

Поэтический образ Полины, несомненно, повлиял на концепцию художественного образа главной героини романа «Мученики». Цимодоцея – молодая гречанка, служительница муз, подобно госпоже де Бомон, воспитана на поэзии Эллады, любовь к которой сочетается с религиозной экзальтированностью. Она является существом столь же грациозным, робким и изящным как Полина де Бомон. Цимодоцея тоже подвергается онению, разлучена с любимым человеком, посажена в темницу, осуждена на казнь. Все эти бедствия она встречает с таким же смирением, с такой же кротостью, как и Полина. В темнице она поёт песню, исполненную глубокой поэзии:

«Légers vaisseaux de l'Ausonie, fendez la mer calme et brillante ! Esclaves de Neptune, abandonner la voile au souffle amoureux des vents... Mais j'offense un Dieu que je connois à peine : reposons-nous sur la croix » [3, с. 351].

Роман Цимодоцеи с Евдором имеет много общего с историей любви госпожи де Бомон и Шатобриана: Цимодоцея полюбила героя за его страдания, увлечена его повествованием о бедствиях и приключениях. «Я готова для тебя пожертвовать, – говорит она Евдору, – и спокойствием и жизнью. Сделать что-либо

для тебя было бы для меня таким счастьем, которое искупило бы все мои жертвы» [5, с. 230-231]. Подобно Полине, героиня «Мучеников» умирает на руках любимого человека. «Ангел смерти, улыбаясь, перерезал нить жизни Цимодоцеи. Она испустила последний вздох без усилия и без страдания; она поникла подобно цветку, который коса селянина срезала на траву» [5, с. 374]

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что новаторство Шатобриана в изображении женских образов определяется тем значительным шагом вперед, который сделал писатель по сравнению с писателями сентименталистами XVIII-го века. Шатобриан обладал уникальным качеством создавать из старых элементов новые комбинации, присоединяя к ним много того, что было пережито и прочувствовано им лично. Это непосредственно относится к созданным им неповторимым женским образам.

Литература

1. Ф.-Р. де Шатобриан, Французская романтическая повесть, М., Русский язык, 1985, стр. 56-140.
2. Ф.-Р. де Шатобриан, Рене, М., Русский язык, 1988, стр. 15-104.
3. Граф Ф. де Ла-Барт, Шатобриан и поэтика мировой скорби во Франции, Киев, Императорский Университет, 1905, 460 стр.
4. Ф.-Р. де Шатобриан, Замогильные записки, М., издательский дом Собашникова, 1998, 650 стр.,
5. Magazine littéraire, Paris, Hachette, 1998, p. 28-56.
6. Marie-Caroline Carlier, XIX siecle, Paris, Hatier, 1988, p. 28-56.